

СКЛЯРЕВСКАЯ Г. Н.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМАХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ
СТИЛИСТИКИ

Стилистический аспект словаря представляет собой наименее разработанную и наиболее уязвимую область лексикографии. Это имеет ряд причин. Очевидны сложности, связанные с характером самого материала, который с трудом поддается стандартизации и унификации, необходимым для любого словаря. В современных исследованиях все чаще высказываются идеи относительно того, что стилистические явления языка невозможно подвергнуть формализации и моделированию (констатируя этот факт, И. Р. Гальперин ссылается на американских лингвистов и логиков, которые ввели в лингвистистику понятия «размытость», «неопределенность», «смутность») [1]. Соотносимые с психолингвистическими и психическими сферами, стилистические категории допускают субъективизм и часто лишены определенности, что отражается в неоднозначных и неустойчивых терминах, которыми оперирует стилистика: стилистическая окраска, стилистический оттенок, стилистическая тональность, стилистическое значение, стилистическая характеристика, стилистическое впечатление, стилистические коннотации, стилистический ореол. Многочисленные работы по стилистике, отражая теоретические разногласия исследователей, нередко вносят терминологическую и классификационную неупорядоченность в словарное дело и лишают его надежных ориентиров [2—10] ¹.

В русской лексикографии стилистические пометы в словарях на протяжении десятилетий продолжают оставаться объектом критики в работах стилистов, лексикологов и самих лексикографов, и критика нередко оказывается весьма жесткой: по отношению к словарным стилистическим разработкам применяются такие характеристики, как «неупорядоченность», «разнойбой», «путаница» и даже «полная мешанина» [11]. В специальных лексикографических исследованиях дается детальный и конкретный анализ системы помет, устанавливаются факты разного характера: несоответствие той или иной пометы инструктивным требованиям, расхождения между пометой и цитатным материалом, несогласованность с теоретической стилистикой и т. п., а также предпринимаются попытки обобщить и синтезировать весь материал [12—19].

Основное противоречие, приводящее к непоследовательности стилистических квалификаций, заключается в следующем: в словаре слово получает оценку по функциональному признаку — по преимущественному или исключительному употреблению в той или иной сфере человеческой деятельности и общения. Однако такая приуроченность не обеспечивает стилистического единства. В действительности на стилистические качества слова влияет множество разнохарактерных и нередко противоречивых факторов:

¹ Здесь указаны некоторые зарубежные исследования, непосредственно или косвенно ориентированные на лексикографическую практику. Отечественные работы будут рассмотрены далее при анализе материала.

семантическое своеобразие, структура, предметная отнесенность, степень новизны или традиционности, эмоционально-оценочные коннотации и экспрессивные качества. Нередко в одной сфере употребления оказываются лексика не только различная, но и контрастная по своим лингвистическим и стилистическим свойствам. В основе стилистических различий должно бы лежать противопоставление комплексов признаков, принадлежащих разным стилистическим рядам и воспринимаемых по контрасту друг с другом. Стилистические же признаки, в свою очередь, могут быть выделены только путем сравнения разных лексических рядов, обладающих разными, часто контрастными, свойствами.

Если отвлечься от принятого функционального принципа стилистических квалификаций (распределение слов по сферам употребления) и попытаться с позиций словаря проанализировать совокупность лексики, маркируемой той или иной пометой, то будут обнаружены серьезные противоречия. Помета «просторечное» объединяет следующие разряды слов (примеры из МАС₁): 1) лексика, обычная в непринужденной разговорной речи (*курьерша, горловик, перловка, столярить*); 2) экспрессивная разговорная лексика [а] *заморыш, объедала, здоровяга, злощий, высоченный*; б) *каша* — «путаница, беспорядок»; *корова* — о толстой, неуклюжей женщине; *скульть* — «жаловаться»; 3) непоративная лексика, оторвавшаяся от диалекта, так называемое «внелитературное просторечие» (*теперича, вчерась, трафить, пользителный, хужеть*); 4) лексика профессиональной разговорной речи (*накладка* — «ошибка»; *гузка* — лишний конец у литеры; *изготовка; отгрузить; отснять; досол; отбраковка*); 5) жаргонизмы (*кол* — «единица»; *сдуть* — «списать»; *кореш* — «друг») [20]. Как видно из этого краткого и обобщенного перечня, лексика, оцениваемая как просторечная, обнаруживает принципиально разные свойства как в отношении социальной отнесенности, так и по степени и характеру экспрессии. Очевидно, что помета в этом случае не выполняет своей функции, так как не служит определенным и недвусмысленным знаком, характеризующим слово по лингвистическим (характер экспрессии и положение на шкале «высокое — низкое») и экстралингвистическим (социальная отнесенность) качествам².

Проблема просторечия была выдвинута для обсуждения Ю. С. Сорокиным почти 40 лет назад [27—28], однако полемика продолжается до сих пор, и нерешенный вопрос о соотношении и словарном разграничении просторечной и разговорной лексики остается одним из самых мучительных в нашей лексикографии [20, 29, 30].

Если попытаться разграничить «просторечные» слова первых двух рядов (см. выше) и слова, маркируемые как разговорные, то обнаружится, что сделать это практически невозможно. Едва ли убедительно разграничение следующих пар слов, относимых соответственно к разговорным или просторечным (по ТСУ): *овсянка* «разг.» — *перловка* «прост.»; *карболка* — *касторка*; *слесарить* — *столярить*; *брякнутья* — *бахнутья*; *долговязый* — *высоченный* и т. д. В БАС² *ушник* «разг.», а *горловик* «прост.»; в МАС₁ *изюмина, черносливина, картофелина* «разг.», а *кюквина, брюквина, черничина* «прост.».

² Разговорный слой, неоднородный по своей природе, в разных языках членился по-разному и соответственно по-разному решаются проблемы словарных помет. Например, в немецкой лексикографии, опирающейся в данном вопросе на глубокие теоретические разработки [21—26], применяется набор помет, маркирующих лексику разговорного употребления: *umgangssprachlich, salopp-umgangssprachlich, landschaftlich* (WDG) или *umgangssprachlich, gebräuchlich, salopp, salopp-abwertend* (Duden). Ср. в чешской лексикографии: *lidový, hovorový, obecné* (PSI) и в польской: *gwarowe, regionalne, potoczny* (SiP).

В этих и подобных примерах единственным логическим обоснованием разграничения могла бы служить степень новизны или традиционности того или иного слова. В самом деле, слово, образованное по разговорной модели, прежде чем войти в активное речевое употребление проходит проверку временем — вначале оно «режет слух» и встречает неизбежный отпор со стороны носителей литературного языка. Попадая в словарь из живой речи, каждая такая лексическая единица воспринимается как более сниженная по контрасту с другими, утвержденными узусом (ср. уже нейтральные слова — *открытка, зажигалка*, недавно ставшие узualmente в разговорной речи — *электричка, зачетка* и относительно новые — *неотложка, аскорбинка*). «Молодые» слова, попав в словарь, обычно получают помету «прост.» в отличие от своих собратьев, оцениваемых как разговорные. Это как раз та лексическая периферия, которую относят на границу литературного употребления. Но, как представляется, слова, отличающиеся от узualmente лишь «стажем» функционирования, следовало бы не переводить в другую стилистическую категорию («разг.» — «прост.»), а указывать на их ненормативный характер. Такие пометы-указания, спорадически применявшиеся в ТСУ (например, помета «неправильное» при словах инженерша, инспекторша и некот. др.), можно было бы сочетать с пометами чисто диахронического свойства, например, «новое» (ТСУ), и такое сочетание помет не только более адекватно определило бы для каждого слова его стилистическую ячейку, но дало бы чрезвычайно важные сведения для будущих исследований нормативных и стилистических процессов в языке и закономерностей изменения стилистического статуса слов.

Не менее сложно обстоит дело с разграничением по рубрикам: «разговорное» — «просторечное» экспрессивной лексики³, представляющей собой метафорические переносы: *медведь* «неуклюжий человек» — «разг.», но *щенок* «молодой, неопытный человек» — «прост.»; *каша* «путаница, беспорядок» — «разг.», но *петрушка* «нечто странное, нелепое» — «прост.»; *язва* «злостный человек» — «разг.», но *сапожник* «неумелый человек» — «прост.» и т. п. (квалификации МАС₁ и ТСУ, которые в приведенных примерах совпадают).

Лексика этой категории, независимо от пометы «разг.» или «прост.», обладает рядом общих свойств и признаков: а) бытовая конкретность семантики, намеренная сниженность образа; б) выраженная пейоративность; в) емкость лексического значения — одно слово выражает целое суждение, и нередко бывает трудно найти нейтральный эквивалент (ср. *перехлестнуть* — «проявить неумеренность в чем-л.»; *влипнуть* — «попасть в неприятное положение» и т. п.); г) сужение значения, конкретизация действия или качества, выражающихся в указании на форму проявления, меру или степень (*шляться* — «ходить без дела»; *тащиться* — «идти медленно, с трудом» и т. п.). Наличие этих объективных и очевидных признаков могло бы служить основанием для объединения экспрессивной сниженной лексики в пределах одной стилистической категории. Но в наших словарях, напротив, принят критерий разграничения внутри этой категории разговорного и просторечного пластов по степени экспрессии. На неубедительность этого критерия не раз уже ссылались в стилистических исследованиях: ведь понятие степени экспрессии (и соответственно сниженности) совершенно субъективно, и то, что вполне допустимо для одного, может оказаться чрезмерно сниженным или даже совсем недопустимым для других.

³ Не касаясь здесь теоретических проблем экспрессивности, сошлемся на некоторые работы [31—33], а также на библиографический список в монографии Н. А. Лукьяновой [34].

Несостоятельность критерия разграничения разговорного и просторечного по степени экспрессии проявляется еще и в том, что за степень экспрессии нередко принимают различие эмоциональной оценки. В паре *медведь* «разг.» — *щенок* «прост.» второе слово воспринимается как более грубое, следовательно, будто бы более экспрессивное, но в действительности дело здесь не в «степени экспрессии», а в качественных различиях оценки: *медведь* — насмешливо и шутливо, а *щенок* — презрительно. И в этом случае различие в восприятии слов следовало бы дифференцировать не разведением их по разным стилистическим категориям («разговорное» и «просторечное»), а дополнительной пометой («насмешливо» или «презрительно») — ведь очевидно, что разговорная речь допускает самый широкий диапазон эмоций.

По поводу второго лексикографического критерия противопоставления разговорного и просторечного — отношения к норме — можно сказать следующее. Противоположение разговорного и просторечного как лексикологических (и соответственно лексикографических) категорий может сохранять свое значение только при понимании «разговорного» как варианта кодифицированного литературного языка, а «просторечного» как лексического слоя, вынесенного за границу литературного употребления или стоящего на этой границе. Однако исследование последних десятилетий убедили в правильности идеи Л. В. Щербы о противоположности литературного и разговорного языков [35]. Это положение в 60-х — 70-х годах было подтверждено фактическим материалом и нашло дальнейшее развитие в известных трудах Л. И. Барашиковой, Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, О. А. Лаптевой, Н. Ю. Шведовой и др. Были определены и признаки, отличающие разговорную речь от кодифицированного литературного языка: широкая вариативность, экспрессивная насыщенность, эмоциональные и оценочные коннотации, свобода выбора средств выражения и одновременное использование речевых стереотипов и др. На основе этих признаков уже может быть поставлен вопрос о специфических нормах разговорной речи [36—40]. И в этом случае критерий «удаленности от нормы» обнаруживает свою неопределенность: ведь то, что «удалено» от нормы литературного языка, может отвечать более свободным нормам разговорной речи. Ср., например, нейтрализацию просторечных (по МАС₂) слов *курьераша*, *анатомичка*, *хлорка*, *неотложка* и под. в среде их разговорных аналогов, таких, как *секретарша*, *билетерша*, *кассирша*, *галерка*, *лесопилка*, *раздевалка*, *валерианка*, *касторка*, *карболка* и др.

Многолетние споры вокруг пометы «прост.» безрезультатны потому, что источник всех проблем заключен в противоречивом характере самой пометы, в многозначности термина «просторечие». Эта многозначность связана с наслоением друг на друга различных определений данного понятия, со смесью научных воззрений, происходившей на протяжении длительного времени [27, с. 124, 130], а также с коренным изменением структуры современного русского литературного языка по сравнению с языком прошлого. Трудно предположить, что помета, введенная как определенный лексикографический знак в XVIII в., может адекватно характеризовать языковые явления конца XX в.

Не следует ли лексикографам сделать решительный шаг и отказаться от пометы «прост.», которая теоретически объединяет противоположные по своим свойствам лексические разряды («литературное» и «внелитературное» просторечие), а на практике делает крайне неупорядоченным сам метод стилистических квалификаций?

В этом случае совокупность лексики, традиционно маркируемой как

разговорная и просторечная, получила бы новое стилистическое распределение. Прежде всего нуждается в обособлении разряд «внелитературного просторечия»: *кажись, казистый, ледащий, опростать, склизкий, вчерась, теперича, каковский* и т. д. По социальной отнесенности, по стилистической и семантической бесплодности эти слова резко противостоят литературным, и их узнавание обычно не вызывает затруднений. Если такая лексика «допущена» в словарь литературного языка, то должна маркироваться пометой запретительного характера⁴. Сравнительно легко может быть отделена профессиональная лексика: *досол, вылов, належка, козел, гузка, шкурка* и т. п. (заметим, что в практике переиздания БАС для характеристики профессионализмов используется помета «В проф. речи»).

Массив слов, объединяющий разговорную лексику и «литературное просторечие», целиком отойдет к разговорному пласту, а стилистические различия между отдельными словами, обусловленные мерой экспрессии, характером эмоциональной оценки, степенью новизны или традиционности и местом на шкале «высокое — низкое», эти различия (нередко весьма заметные) могут быть показаны дополнительной маркировкой.

Разумеется, и в этом случае останутся пограничные лексические разряды с нехарактерными, размытыми стилистическими свойствами, вызывающими затруднения при квалификации. Лексическая система, незамкнутая, подвижная и изменчивая, в словаре принимает вид жесткой схемы. Однако не все клетки этой схемы могут быть заполнены. В каждый момент составления словаря перед лексикографом оказывается известное количество слов с неопределившимся стилистическим статусом (между нейтральным и книжным, нейтральным и разговорным и т. п.). Не случайно в современных исследованиях все большую популярность приобретает понятие не границы между стилистическими разрядами, а «зоны», в которой переходные, нехарактерные явления становятся не исключением, а правилом.

Известно, что лексика пограничных зон — самый трудный материал лексикографии. Наличие такой лексики (а оно неизбежно) делает, по-видимому, абсолютную унификацию стилистических помет недостижимой. Особенно остро эта проблема стоит в больших словарях, которые опираются на материал художественной литературы (и потому демонстрируют образцы не только кодифицированного языка, но и всех видов некодифицированного) и охватывают длительный период жизни литературного языка («от Пушкина до наших дней» — этот полуторазековой отрезок времени продолжает определять хронологические границы наших академических словарей). Необходимо учитывать социальные, лексические, семантические и стилистические перемены и перегруппировки, которые произошли в языке за этот срок, но в словаре это очень трудно сделать. Стилистический анализ, отягощенный диахронией, неизбежно дает противоречивые результаты⁵. В новом академическом словаре, хронологические рамки которого будут сужены до границ действительно современного литературного языка (40—50 лет), стилистическая дифференциация

⁴ В академических словарях «внелитературное просторечие» представлено чрезвычайно широко, причем не в виде аморфной массы ненормативной лексики, а в виде своеобразной системы отклонений от литературных норм (лексических, семантических, структурных, а также особенностей номинации) [41].

⁵ Мы придерживаемся точки зрения (выдвинутой в свое время Ш. Балли и получившей в дальнейшем широкое признание среди лингвистов), согласно которой стилистика является сугубо синхронической наукой. Известна, впрочем, и противоположная точка зрения, утверждающая, что стилистическое исследование может вестись как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте [42, 43].

должна утратить свой обобщенный и приблизительный характер, а пометы — свою двусмысленность. В словаре такого типа нашли бы свое стилистическое место многие слова пограничных зон. Для слов с неопределившимся стилистическим статусом, занимающих промежуточное положение, можно было бы рекомендовать либо условный значок (→), либо описательную характеристику, отражающую стадию перехода того или иного слова из одной стилистической категории в другую.

Пометка «просторечное» стала своеобразным эталоном лексикографических ошибок. Однако и другие пометы служат источником противоречий и непоследовательности словарных оценок, например, пометы, маркирующие терминологию.

Процессы, происходящие в современных языках (активное вторжение в «общий» язык терминов и «опаучивание» языка) выдвинули ряд теоретических проблем и заставили пересмотреть соотношение соответствующих помет в словарях. В зарубежной лингвистике существует обширная литература, систематизирующая эмпирический материал и совокупность связанных с ним вопросов (см., например, библиографию к статье В. Ментрупа [44]).

Помета «спец.» использовалась в ТСУ для характеристики лексики разных профессий и промыслов, в отличие от научной терминологии, маркируемой пометой «научн.». Сам принцип размежевания официальной терминологии и разговорных профессиональных обозначений был плодотворным и свидетельствовал о тонких стилистических дифференциациях, принятых в этом словаре. Однако на практике он применялся непоследовательно, и аналогичная профессиональная лексика маркировалась разными пометами: *отжим, отбраковать, пошивочный, давило* «пресс», *шкурка* «наждачная бумага» — «спец.»; *прошва, убоина* — «спец. и прост.»; *высидка, забелка, забивка, затирка, изготовка* — «прост.». Кроме того, для технических обозначений (также разговорного характера: *салазки, кулак, коза* «вагонетка» и т. п.) употреблялась еще одна помета — «тех.».

В последующих словарях пометой «спец.» маркируются недифференцированно и термины, и профессионализмы. Это привело к серьезным теоретическим противоречиям: с одной стороны, помета «спец.» охватывает круг лексики, в который входят как термины, т. е. единицы кодифицированного литературного языка (*иррадиация, териология, репозиция, церебральный*), так и лексика профессиональной разговорной речи (*вылов, отжим, подогрев, отвал*); с другой стороны, лексика последнего разряда оценивается то как специальная, то как просторечная: в МАС₂ *вылов, отвал, отбраковка, отжим, подогрев* — «спец.», а *выгребка, забивка, перевеска, подкидка* — «прост.».

Если смешение разговорного и просторечного может быть объяснено языковой общностью (часто и фактической неразличимостью) соответствующих лексических пластов, то смешение помет «прост.» и «спец.» представляется с лингвистической точки зрения совершенно недопустимым, так как экстралингвистические факторы (в данном случае — общая сфера применения) не обеспечивают общности языковой.

Анализ профессиональной лексики убеждает в том, что это типичные разговорные средства, но примененные в производственных условиях и ограниченные поэтому соответствующим кругом реалий, действий и т. п. Для профессионализмов характерна метафоризация, основу которой (как и в общеразговорных словах) составляют бытовые понятия: *баранка* «руль»; *гузка* «лишний конец, хвостик у литеры»; *закозлить* «охладить доменную печь»; *шкурка* «наждачная бумага» и т. п. Со стороны структуры

профессионализмы характеризуются регулярным использованием определенных моделей, характерных и для разговорной лексики; отглагольные образования на *-ка* (*возка, ездка, забивка, изготовка*), отглагольные безаффиксные образования (*вылов, досол, подогрев, пошив*), глагольные префиксальные образования (*завезти, заснять, отбраковать, отгрузить, пошить*), семантические стяжения (*алфавитка, радужка*) и др.

Недифференцированная квалификация научной терминологии и профессионализмов — такова одна сторона проблемы, связанной с пометой «спец.». Другая сторона этой проблемы касается теоретических вопросов: а) обоснованности пометы «спец.» применительно к терминологии и б) понимания стилистического статуса терминологии вообще.

Полемика вокруг стилистических оценок терминологии многоаспектна. В свое время А. П. Евгеньева выступала против употребления обобщенной пометы «спец.» взамен частных помет, указывающих на конкретную сферу применения термина (анатомия, медицина, математика, морское дело и т. п.) [45]. Ф. П. Сороколетов последовательно отстаивает правомерность единой пометы как вполне определенного лексикографического знака, который не просто указывает на область применения термина (как пометы «анат.», «мед.», «мат.», «мор.» и под.), но выполняет функции стилистической характеристики, показывая обособленность разряда специальной лексики в отличие от нейтральной [46]. Однако стилистическая обособленность терминологии как таковая признается не всеми. По этому поводу известны две исключаящие одна другую точки зрения: 1) термины, несмотря на свое специальное назначение, стилистически нейтральны [47, с. 78]; 2) термины, несмотря на отсутствие коннотаций, обладают повышенной эстетической и экспрессивной ценностью, поэтому их стилистическая окрашенность очевидна [48, с. 105].

На практике же, какую бы теоретическую позицию ни занимал лексикограф, единственным критерием стилистической маркированности того или иного слова может служить его положение в стилистической парадигме. Помета фиксирует границы стилистической дифференциации лексики, а проблема стилистической дифференциации, в свою очередь, возникает тогда, когда есть ряд неравноценных средств выражения, обеспечивающих возможность сопоставления и выбора (ср. хрестоматийные примеры *скончаться, умереть, подохнуть* или *лик, лицо, морда*). Только наличие синонима делает очевидным стилистическую определенность и стилистическое своеобразие того или иного слова. С этой точки зрения совокупность терминов неоднородна. Одни термины не имеют синонимов из других сфер применения; к ним относятся, в первую очередь, обозначения конкретных реалий (названия приборов, устройств, инструментов, веществ, минералов и т. п.), наук и научных дисциплин, процессов, процедур и т. п., а также понятий и категорий, которыми оперирует та или иная наука. Ср.: *синхротрон, рефрактор, ареометр, марказит, лизол, офтальмология, алгоритм, протон, апперцепция* и т. п. Такие термины могут быть либо неизвестны неспециалисту (и тогда вопрос об их употреблении не возникает), либо известны — и в этом случае термин будет употреблен всякий раз, когда этого потребует тема высказывания, будь то научный диспут или непринужденная беседа. Стилистическая бесцветность подобных терминов обусловлена их «незаменимостью» в тексте. Исключение составляют некоторые термины медицины, имеющие в качестве синонимов нейтральные или разговорные обозначения: *респираторный* — *дыхательный*; *церебральный* — *мозговой*; *летальный* — *смертельный*; *канцер* — *рак*; *абсцесс* — *нарыв*; *липома* — *жировик*; *паро-*

тит — *свинка*; *мастит* — *грудница*; *гематома* — *синяк* и др. Этот факт весьма показателен: терминология медицины отличается от терминологии других наук тем, что, «обслуживая» замкнутый круг специалистов, в то же время имеет вход в общенародный язык, которому свойственно изолировать чужеродные элементы (в данном случае термины) и заменять их обычными словами.

Термины, обозначающие отвлеченные понятия, при необходимости также могут быть заменены в речи неспециалистов (или в речи, предназначенной для неспециалиста) нейтральными словами (ср.: *адсорбировать* — *поглощать*; *аккумулировать* — *сосредоточивать*; *дивергенция* — *расхождение*; *диссимилиация* — *распад*; *дислокация* — *размещение* и т. п.), на фоне которых воспринимается и осознается стилистическая обособленность терминов. В лексикографической практике следовало бы учитывать эти различия (наличие или отсутствие синонима) и соответствующим образом квалифицировать разные типы терминов.

Что касается принятого сейчас критерия разграничения «специальной» и «нейтральной» лексики по степени освоенности литературным языком того или иного термина, то этот критерий несостоятелен в силу своей субъективности. В самом деле, можно ли признать объективными (и потому правильными) такие разграничения квалификаций (БАС): *ларингология* «спец.» — *офтальмология* без пометы; *марказит* «спец.» — *тенардит* без пометы; *ингалятор* «спец.» — *синхротрон* без пометы; *лизол* «спец.» — *йодоформ* без пометы; *ларингит* «спец.» — *ихтиоз* без пометы. Список примеров можно было бы продолжить.

В теоретической стилистике нет общепризнанных критериев стилистической дифференциации. Обычно, группируя слова по стилистическим разрядам, авторы ориентируются на свое языковое чутье, предлагая и читателям «уловить» различия между стилистически неоднородными словами.

Известно мнение, что для словарных стилистических квалификаций достаточным основанием также может служить интуиция лексикографа [49, с. 11, 75]. Положение об интуитивном принципе стилистических оценок имеет в лингвистической литературе и свою теоретическую аргументацию, основу которой составляет мысль об общественном признании точности и даже безошибочности языкового чутья лексикографа [50, с. 69]. (Ср. также: «Лингвистика — это искусство, а не наука, и тот, кто наделен тончайшей интуицией, прирожденным талантом, а также нерассуждающим и безошибочным чувством языка, является наилучшим лингвистом» [51].)

Нет сомнения, интуиция, основанная на точном языковом чутье и на знании языковых законов, — это такой инструмент, без которого работа лексиколога и лексикографа была бы вообще невозможной. Однако интуиция как метод стилистических квалификаций не может обеспечить единства и последовательности словарных помет. В этом убеждает практика составления словарей, особенно многотомных, создаваемых большим коллективом лексикографов. Признание и теоретическое обоснование интуитивного метода ставит под сомнение основной принцип любого словаря: принцип унификации и стандартизации. Или заставляет предположить, что стилистический аспект — это особая, изолированная область, в которой унификация и стандартизация не обязательны, в отличие от всех других разделов словаря (ср. типовые определения, схемы словарных статей, грамматические классификаторы и т. п.).

Усилия лексикографов преодолеть интуитивный подход к стилистическим проблемам идут в двух направлениях. Первое — эмпирическое.

Это поиски формальных признаков (словообразовательных моделей, характерных типов переносных значений и т. п.), которые могли бы служить основанием для распределения стилистически маркированных слов по соответствующим разрядам [52, 53]. Второе — теоретическое — обращение к достижениям современных стилистических исследований. Однако отношения между теоретической стилистикой и лексикографической практикой носят сложный характер, парадоксальность которого отметила Е. Ф. Петрищева [49, с. 12]. Лексикологи и стилисты обращаются к словарям как к законодателям стилистических норм [54, с. 124], в то же время лексикографы признают, что система словарных помет далека от идеала, и причину неблагоприятного положения в этой области склонны видеть в отрыве лексикографической практики от теории или в недостаточной разработанности теоретических постулатов [14, с. 85].

Обращение лексикографов к теории стилистики связано с рядом трудностей. За последние десятилетия в области теоретической стилистики сделано очень много, однако словарики-практики не всегда могут использовать в своей работе результаты исследований. Этому препятствуют прежде всего известные теоретические разногласия, касающиеся как частных, так и общих проблем стилистики. Даже самое беглое ознакомление с громадной литературой по стилистике обнаруживает всю глубину этих разногласий, противоречивость формулировок, касающихся не только дефиниции основных категорий стилистики, но даже определения ее границ и круга задач.

Острое столкновение разных концепций, разных точек зрения породило в свое время дискуссия 1954 г. по вопросам стилистики. Ю. С. Сорокин, полемизируя с теорией Л. В. Щербы, представляющей стили языка как «систему концентрических кругов», выдвинул идею, согласно которой в развитом языке, каким является современный русский язык, нет и не может быть замкнутых жанрово-речевых разновидностей, а есть только возможность выбора тех или иных речевых средств. Поэтому правильно говорить не о стилях языка (научном, публицистическом, и др.), а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в художественной литературе, публицистике, научных произведениях данной эпохи [47, с. 79].

Уязвимость теории стилей обнаруживается и в современных исследованиях. Наряду с традиционным описанием конкретных стилей (делового, научного и др.) существуют концепции, отрицающие объективную картину стилистической стратификации языка. Ю. М. Скребнев, в частности, трактует совокупность индивидуальных стилиевых классификаций, разработанных разными исследователями, как «антиклассификацию» [48, с. 48—49].

Действительно, разные ученые представляют разные по составу и характеру списки стилей, которые не могут быть сведены в единую общепризнанную систему. «Антиклассификация» проявляется также в том, что нет ясности и единства в понимании сущности и права на существование отдельных стилей (соотносительны ли разговорный, разговорно-бытовой и обиходно-бытовой стили, реален ли стиль художественной литературы и т. п.). Неустойчивость «системы стилей» такова, что не только разные ученые представляют индивидуальные стилиевые классификации, но и один и тот же исследователь в процессе длительной работы может существенно изменить свою трактовку системы стилей. Ср. классификационные схемы М. Н. Кожинной, разработанные соответственно в 1962 и 1983 гг.: I_г— 1) обиходно-деловой; 2) научно-технический; 3) кри-

тико-публицистический; 4) официально-риторический; 5) художественный [55]; II — 1) разговорно-бытовой; 2) научный; 3) публицистический; 4) официально-деловой; 5) художественный [56]. Таким образом, создается парадоксальное положение: при одном и том же объекте исследования (современный русский литературный язык) и одном методе (функциональный) нет единой картины функционально-стилистического состояния языка.

Обращение лексикографов к теоретической стилистике осложняется еще и тем обстоятельством, что существуют некоторые объективные несовпадения между теорией и словарной практикой. В частности, в теории получило признание положение, согласно которому в стилистической дифференциации языка определяющим является социальный фактор [48, с. 97; 33]. В словаре же актуальны и значимы, кроме социального, еще два фактора — временной и пространственный [16, с. 105—107].

Кроме того, членение языка на стили и стилистическое расслоение лексики не совпадают. Это проявляется в том, что не всегда могут быть обнаружены прямые соответствия между кругом маркированной лексики и тем или иным стилем (см. [47, с. 73; 54, с. 80]). Соответствий мало: разговорный стиль — помета «разг.», научный стиль — помета «спец.», деловой — помета «офиц.-дел.». Что касается других стилей, то применительно к ним прямые связи с пометой не обнаруживаются. Так, по свидетельству П. Н. Денисова и В. Г. Костомарова, не удалось связать с какой-либо определенной пометой публицистический стиль [50, с. 75]. Художественная речь обладает выраженной функциональной обособленностью, что признается всеми исследователями, независимо от того, называют они художественную речь стилем или нет, однако нет специальных («художественных») лексических средств, которые можно было бы маркировать соответствующей пометой. С другой стороны, в современном русском литературном языке нет книжного стиля, но, на наш взгляд, несомненно существование книжной лексики. (При этом необходимо иметь в виду условный характер пометы «книжн.» и самой категории книжного. Этот термин, как и термин «просторечное», сохраняется в русской лексикографии почти два столетия, и круг обозначаемых им языковых фактов уже не соотносится с первоначальным.) Составители БАС отказались от пометы «книжн.» на том основании, что в настоящее время расширились границы употребления книжных слов [53, с. 40]. Действительно, книжная лексика сейчас активно входит во все сферы речи и нередко соседствует в одном контексте со своим антиподом — лексикой разговорного источника [36, с. 26 и сл.; 17, с. 42 и сл.]. По свидетельству Е. А. Земской, не только специфические книжные лексические средства, но и другие элементы кодифицированного литературного языка воспринимаются в разговорном тексте «как чуждый элемент, как единицы другой системы» [37, с. 406]. Это значит, что стилистическая определенность книжной лексики на фоне разговорной не разрушается, а, напротив, становится еще более выраженной. Едва ли можно считать нейтральными (как их квалифицирует БАС) такие слова, как *инкорпорировать*, *корреспондировать*, *фетиши*, *феномен*, *эманация*, *экстремальный*, *экстраординарный* и под. Следует заметить, что и МАС, в котором принята помета «книжн.», пользуется ею недостаточно широко: без пометы даны слова *абрис*, *абсолют*, *альтруизм*, *апофеоз*, *фиаско*, *филистер*, *эпигон*, *экспансия*, *эксцесс* и мн. др., несомненно сохраняющие книжный характер и отмеченные соответствующей пометой в СО.

Непрямая связь между лексикографической практикой и теорией сти-

стилистики проявляется также в том, что лексическая система не может быть отражена в словаре вполне адекватно. Способ оформления материала, определяющий методику лексикографического описания и высокий уровень словарных обобщений, неизбежно искажает картину реального положения слова в семантической и стилистической системах. Семантические несоответствия отметил Д. Н. Шмелев: многозначное слово в своем функционировании диффузно, но лексикографически оформленная лексема не отражает этой диффузности [58]. Кроме того, линейное расположение толкований в словаре скрывает реальное (нелинейное, сложное) соотношение отдельных значений в семантической структуре слова [59].

Нечто подобное наблюдается и в стилистическом аспекте. В языковой действительности слово испытывает воздействие различных, часто противоречивых факторов, которые, взаимодействуя, создают стилистическую окраску. Например, слово *давило* «пресс» по функциональной отнесенности принадлежит к специальной сфере, а по структуре — к разговорной лексике сниженной тональности (ср. *мазила*). В словаре необходимо свести воедино действие этих разнородных факторов и обобщить их в помете ⁶.

Можно указать на некоторые частные, но при этом весьма существенные расхождения теории стилистики и лексикографической практики. В теории общепризнанным является введенное Ф. П. Филиным применительно к современному русскому языку разделение просторечия на два разряда — литературное и внелитературное просторечие [60, 61]. Положение о «двух просторечиях» в принципе не препятствует теоретическому исследованию: для анализа избирается либо один, либо другой разряд просторечий, определяются его характерные особенности, всякий раз уточняется терминология (см., например [62]). Иначе в лексикографии. Помета «прост.», объединяющая «два просторечия», определяет не только несхожие, но контрастные по своим лингвистическим свойствам лексические группы, причем глобальный анализ материала, возможный только в словаре, обнаружил, что и каждый из двух разрядов просторечия не обладает внутренней цельностью.

Все сказанное дает основания заключить, что для успешного решения стилистических проблем лексикографии необходима совместная работа стилистов и лексикографов, проводимая с позиций словаря, с учетом его специфики. Может быть, следовало бы выделить лексикографическую стилистику (которая давно существует на эмпирическом уровне) как одно из направлений стилистических исследований, непосредственно обслуживающее нужды словаря.

Лингвистическая стилистика признается многоаспектной наукой, и в последнее время определились как вполне самостоятельные такие ее разделы, как функциональная стилистика, стилистика текста, стилистика художественной речи, стилистика индивидуальной речи, практическая, сопоставительная стилистика [63]. Лексикографическая стилистика, как нам представляется, имеет все права на «самоопределение» как особое направление исследований. У нее есть свой объект анализа — лексикографически упорядоченная лексическая система. Есть и свои методы и прие-

⁶ Сочетание помет имеет ограничения: в качестве дополнительной пометы может выступать оценочная характеристика, в подавляющем большинстве случаев соединяющаяся с пометой «разг.», например, «разг. пренебр.», «разг. неодобрит.» и т. п. Другие типы двойных помет либо демонстрируют противоречивую оценку («спец. и прост.»), либо нарушают основное условие стилистической характеристики — ее синхронность («устар. разг.», «прост. устар.») [16, с. 106—107].

мы описания материала, своеобразие и сложность которых заключается в том, что неизбежный эмпиризм, связанный с оформлением каждого отдельно взятого слова, должен сочетаться с применением теории стилистики во всем ее объеме.

ИСТОЧНИКИ

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.— Л., 1948—1965.
2. МАС₁ — Словарь современного русского языка: В 4-х т. 1-е изд. М., 1957—1961.
3. МАС₂ — Словарь современного русского языка: В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
4. СО — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1986.
5. ТСУ — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Ушакова Д. Н. М., 1935—1940.
6. Duden — *Duden.* Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 6 Bd. Bd. 1. Mannheim — Wien — Zürich, 1977.
7. Küpper — *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache: In 4 Bd. Hamburg, 1963—1964.
8. PSI — *Přiruční slovník jazyka českého.* Praha, 1937—1957.
9. SIP — *Słownik języka polskiego.* Т. 1. Warszawa, 1958.
10. WDG — *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache.* Bd. 1. Berlin, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин И. Р.* Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980. С. 5—34.
2. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
3. *Engel U.* Deutsche Gebrauchswörterbücher // PBB (Tübingen), 1972. Bd. 94. Sonderheft.
4. *Fleischer W., Michel G.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.
5. *Jedlička A.* K systému a systematické funkčním stylů // Jazykovedné štúdie. 1980. Т. 15.
6. *Scharnhorst J.* Stilistische Fragen der Lexikographie // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität. 1968. Jg. 17. Hf. 2/3.
7. *Scharnhorst J.* Zum Wesen des Begriffs Funkzionalstil // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1981. Bd. 34. Hf. 3.
8. *Sovinski B.* Kategorien der Makrostilistik — eine Übersichtsskizze // Germanistische Linguistik. 1983. 3—4/81.
9. *Szathmari J.* Über Stilwert der sprachlichen Elemente // AL. Budapest, 1968. Т. 18. Fasc. 1—2.
10. *Winter W.* Stil als linguistisches Problem // Sprache der Gegenwart. Bd. I. Mannheim, 1965—1966.
11. *Горюнг Б. В.* Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики // Проблемы современной филологии. М., 1965. С. 91. (примеч. 11).
12. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах теории русской лексикографии // ВЯ. 1956. № 5.
13. *Виноградов В. В.* Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // ВЯ. 1966. № 6.
14. *Гельгардт Р. Р.* Несколько идей стилистики и общего языкознания в аспекте лексикографии // Сб. докл. и сообщ. Лингвистического об-ва. Т. III. Вып. 1. Калинин, 1973.
15. *Катлинская Л. И.* Нормативные пометы в словарях и реальное речевое употребление // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
16. *Склярёвская Г. Н.* Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словарь. Л., 1978.
17. *Сорокин Ю. С.* О нормативно-стилистическом словаре современного русского литературного языка // ВЯ. 1967. № 5.
18. *Филин Ф. П.* О новом толковом словаре русского языка // ИАН СЛЯ. 1963. № 3.
19. *Шмелева И. Н.* Стилистическое расслоение и классификация словарного состава современного русского литературного языка // Вопросы стилистики. Вып. 9. Саратов, 1975.
20. *Склярёвская Г. Н.* О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное»: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1973. С. 8—14.

21. *Grosse R.* Die weisssische Sprachlandschaft. Halle, 1955. S. 31—38.
22. *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1969.
23. *Küpper H.* Vom Stil der deutschen Umgangssprache // *Küpper H.* Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Bd. 3. Hamburg, 1964. S. 16—25.
24. *Polenz P.* Zur Quellenwahl für Dokumentation und Erforschung der deutschen Gegenwartssprache // Sprache der Gegenwart. Bd. 1. Mannheim, 1965—1966.
25. *Porzig W.* Das Wunder der Sprache. Bern, 1950. S. 188.
26. *Steger H.* Gesprochene Sprache. Zu ihrer Typik und Terminologie // Sprache der Gegenwart. Bd. 1. Mannheim, 1965—1966.
27. *Сорокин Ю. С.* «Просторечие» как термин стилистики // Докл. и сообщ. Филологического ин-та ЛГУ. 1949. Вып. 1.
28. *Сорокин Ю. С.* Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. I. М.—Л., 1949.
29. *Виноградов С. И.* «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова // Литературная норма и просторечие. М., 1977.
30. *Разманова Л. И.* О стилистических пометах просторечных слов в толковых словарях русского языка // Вопросы стилистики. М., 1966.
31. Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1984.
32. *Michel G.* Stil und Expressivität // Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. 1974. Bd. 27. Hf. 1—3.
33. *Ivanová-Salingová M.* Expressivný príznak // Jasykovedný časopis. 1970. XXI. № 2. S. 154.
34. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.
35. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 115.
36. *Винокур Т. Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
37. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. М., 1973.
38. *Баранникова Л. И.* Социально-историческая обусловленность места разговорной речи в общенародном языке // ВЯ. 1970. № 3.
39. *Лантеева О. А.* О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2.
40. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
41. *Склярская Г. Н.* Полудialeктная лексика в современном русском языке // Вопросы стилистики. Вып. 7. Саратов, 1974. С. 52.
42. *Wartburg W.* Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Tübingen, 1962. S. 211.
43. *Seidler H.* Allgemeine Stilistik. Göttingen, 1953. S. 71.
44. *Ментруп В.* К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1983.
45. *Евгеньева А. П.* О некоторых лексикографических вопросах, связанных с изданием Большого словаря современного русского литературного языка АН СССР // Лексикографический сборник. Вып. 2. М., 1957.
46. *Сороколетов Ф. П.* Терминология и лексикографическая стилистика // Вопросы семантики. Калининград, 1984. С. 29.
47. *Сорокин Ю. С.* К вопросу об основных понятиях стилистики // ВЯ. 1954. № 2.
48. *Скребины Ю. М.* Очерки теории стилистики. Горький, 1975.
49. *Петрищева Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984.
50. *Денисов П. Н., Костомаров В. Г.* Стилистическая дифференциация лексики и проблемы разговорной речи // Русская разговорная речь. Саратов, 1970.
51. *Сапорта С.* Применение лингвистики в изучении поэтического языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
52. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)». Л., 1953.
53. Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка (в пятнадцати томах)». М.—Л., 1958. С. 40.
54. *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
55. *Кожина М. Н.* О понятии стиля и места языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962. С. 17.
56. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. 2-е изд. М., 1983. С. 71—74.

57. *Панов М. В.* О развитии русского языка в советском обществе // ВЯ. 1962. № 3. С. 6.
58. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 95.
59. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977. С. 92.
60. *Филин Ф. П.* О просторечном и разговорном в литературном языке // ФН. 1979. № 2. С. 7.
61. *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка // ВЯ. 1973. № 2. С. 20—22.
62. *Земская Е. А., Китайгородская М. В.* Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 66.
63. *Бельчиков Ю. А.* Стилистика // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 334—336.